
Т.Н. Джаксон

ОТ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ К ПИСЬМЕННОЙ:
СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ НОРВЕГИИ
В ОСВЕЩЕНИИ ИСЛАНДСКИХ САГ

На материале «Саги о Хаконе Хаконарсоне» Стурлы Тордарсона (1263–1265 г.), королевской саги «о современности», по классификации Сигурда Нордаля, и пятнадцати саг свода королевских саг «Круг земной» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), относящихся к «сагам о прошлом», речь в статье пойдет о том, как постепенно в обиход норвежских правителей входило использование писем взамен устных сообщений. Автор ставит своей целью выяснить, как создатели саг в XIII в. ощущали переход от устной коммуникации к письменной, а также сколь глубоко в дописьменное время они относили этот процесс.

Ключевые слова: коммуникация устная и письменная, исландские королевские саги, Норвегия, Исландия, письма, Снорри Стурлусон, Стурла Тордарсон

Крещение Норвегии, начатое конунгом Олавом Трюггвасоном (995–1000), было завершено его преемником и троюродным племянником Олавом Харальдссоном (1014–1028). По выражению автора саги о первом Олаве, монаха Одда Сноррасона, «следует признать, что первый Олав собрал материалы и заложил основы христианства своим трудом, а второй Олав возвел стены» (ÓTóddr. Bls. 272: «Svá er at virða sem Óláfr konungr hinn fyrri efnaði ok setti grundvöllinn kristninnar með sínu starfi, en hinn síðari Óláfr reisti veggj»). В течение XI в. новая религия и христианская церковь постепенно укрепили свое положение в стране, а вместе с ними в страну пришла письменность, сначала на латыни, а затем и на древненорвежском языке. Латинский язык – как язык церкви – стал письменным языком в Скандинавии и в течение некоторого времени оставался единственным (за исключением рун) письменным языком Скандинавских стран. Синонимичными стали понятия «латынь» и «письменность». Для письма на народном языке – исландском, норвежском, датском и шведском – латинский алфавит был применен не сразу после введения христианства. Не поддается

установлению, когда именно это произошло, т.к. древнейшие рукописи на народном языке не сохранились ни в одной скандинавской стране. Но есть основания полагать, что латинский алфавит впервые был применен в Исландии для письма на родном языке в начале XII или даже в конце XI в. (Guðvarður Már Gunnlaugsson 2008. P. 87). Вскоре после 1056 г. епископом Ислейвом была основана первая упоминаемая в источниках школа в Исландии, в Скальхольте. Известно, что в XII в. при кафедральных соборах Нидароса, Бергена и Осло в Норвегии существовали школы, развивались письменная культура и книжность (Mortensen 2000; 2006). Как установил Гудвардур Мар Гуннлаугссон, латынь в Норвегии продолжала использоваться в Средние века параллельно с народным языком. Самая ранняя из сохранившихся норвежских рукописей на латинском языке относится к 1170-м гг., а на древненорвежском языке – примерно к 1210 г. От XIII в. дошло порядка 80 рукописей на народном языке, а от XIV в. – более полутора тысяч (Guðvarður Már Gunnlaugsson 2008. P. 88–89). Что касается внедрения письменности в делопроизводство, то это был процесс небыстрый (см.: Bagge 2010). Как отметил С.Ю. Агишев, «ранний норвежский документальный корпус (до 1 января 1301 г.) представлен 993 грамотами», и только с XIV в. рост количества документов «становится лавинообразным» (Агишев 2016).

Первым норвежским королем, получившим систематическое школьное образование, был живший в XIII в. Хакон Хаконарсон (годы жизни: 1204–1263, годы правления: 1217–1263). Находясь в Бергене на воспитании у вождя биркебейнеров¹ ярла Хакона Галена (1170–1214), будущий конунг с семи до одиннадцати лет посещал Бергенскую кафедральную школу (основанную, как принято считать, в 1153 г. Николасом Брейкспиrom, будущим папой Адрианом IV), а после смерти ярла, при его сводном брате, конунге Инги Бордарсоне (1204–1217), племяннике конунга Сверрира (1184–1202), продолжил обучение в основанной годом ранее Тронхеймской кафедральной школе (Helle 1995; 2009). Этот правитель оставил заметный след в истории своей страны. Он не только положил конец гражданским войнам и привел страну к «золотому веку», но и всячески споспешествовал развитию культуры, литературы, образования.

---

¹ Биркебейнеры («берестеники») – одна из противоборствующих сторон в эпоху гражданских войн в Норвегии (конец XII – первая половина XIII в.).

Сага об этом короле («Hákonar saga Hákonarsonar»), написанная исландцем Стурлой Тордарсоном (1214–1284 гг.) по приказу сына Хакона, конунга Магнуса Исправителя Законов (1263–1280), охватывает 1203–1263 гг., а в особенности годы правления Хакона. Стурла, как теперь убеждены историки, имел в своем распоряжении богатые и хорошо организованные архивные материалы королевской канцелярии, включавшие более сотни писем, списки участников различных официальных встреч и проч. (Knirk 1993. P. 36), а также использовал воспоминания очевидцев о конунге Хаконе (de Vries 1967. S. 305–306). Первым источник саги проанализировал Х. Кут (Koht 1927), показавший, что ряд фактов в начальной части саги (до 1225 г.) основывается на информации, полученной от окольного конунга Магнуса и законоговорителя Гулатинга, некоего Дагфинна Бонде, умершего вскоре после 1233 г. При этом Х. Кут выявил существование организованной королевской канцелярии в Норвегии примерно с 1204 г. и проиллюстрировал материалом саги, какие именно документы могли быть в этой канцелярии: резюме официальных писем, отправленных и полученных, списки участников официальных мероприятий, отчеты об этих мероприятиях, перечни назначений должностных лиц, дневники королевских путешествий, итинерарии, некрологи и многое другое².

Самое раннее использование слова *bréf* «письмо, послание» (см.: ONP) фиксируется в недатированном (предположительно, 1224 г.) документе от имени короля Хакона Хаконарсона, написанном на древненорвежском языке и содержащем указ о том, что рыболовные угодья в коммуне Эвре-Эйкер, ранее принадлежавшие короне, переходят в собственность церкви, и что отныне крестьянам воспрещается чинить епископу и обитателям монастыря какие-либо препятствия. Король начинает свое распоряжение такими словами: «H[akon] konongr sun H[akonar] konongs sendir bondom oc buþeignum. ollum guðs vinnum. oc sinum þeim er þetta bref sea eða h[oe]yga a Eikium quæðiu guðs oc sina» («Конунг Х[акон], сын конунга Х[акона], посылает привет от бога и от себя всем друзьям бога и своим, тем, кто это письмо увидит или услышит в Эйкьяр») (DN. V. 2. S. 6). Судя по наблюдениям М.В. Панкратовой, эта формула постепенно становится

---

² О становлении и развитии канцелярий в Норвегии см.: Kongsrud 2011; Агишев 2018.

стандартным зачином королевских посланий на древненорвежском языке; с нее же начинается пролог к судебнику 1274 г. «Ландслову» (Панкратова 2018. С. 219). По подсчетам исследовательницы, в собрании норвежских средневековых документов («Diplomatarium Norvegicum») на период правления Хакона Хаконарсона приходится 27 документов (Там же. С. 215). Это письма «государственного содержания», написанные как на латыни, так и на древненорвежском языке. Их авторами и адресатами выступают короли Хакон IV, Генрих III, Людовик IX, папы римские Григорий IX и Иннокентий IV, норвежский ярл Скули, норвежский архиепископ и различные епископы.

В статье речь пойдет о письмах, но не в значении указа или распоряжения, а в более узком значении частной коммуникации. Источником информации нам послужат «Сага о Хаконе Хаконарсоне» Стурлы Тордарсона (1263–1265 гг.), королевская сага «о современности», по классификации Сигурда Нордаля, и пятнадцать саг свода королевских саг «Круг земной» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.), которые Сигурд Нордаль относил к «сагам о прошлом» (Sigurdur Nordal 1953). Хотелось бы понять, как авторы саг в XIII в. ощущали переход от устной коммуникации к письменной, а также сколь глубоко в дописьменное время Снорри Стурлусон, повествующий о событиях с IX в. по 1177 г., относил этот процесс.

«Сага о Хаконе Хаконарсоне»

В «Саге о Хаконе Хаконарсоне» (Hák) письма упоминаются многократно. По подсчетам Н. Бьёргу, в ней фигурирует 99 писем, из которых 30 адресованы конунгу Хакону, 41 отправлено от его имени, а 28 – это письма других персонажей саги. Исследователь, приводя как внутри-, так и внетекстовые аргументы, утверждает, что большинство из этих писем существовало в действительности и Стурла имел к ним доступ (Bjørge 1967. S. 197–207). С. Багге справедливо подчеркивает, что у нас нет безусловных доказательств существования означенных писем, но тем не менее отмечает стоящий за их упоминанием в саге бесспорный факт: в XIII в. письма стали нормальным (привычным) способом передачи информации (Bagge 2010. P. 374–375). Посмотрим, как письма сочетаются в рассказе Стурлы Тордарсона с устной передачей информации. Обратимся к конфликтной ситуации 1239–1240 гг.,

когда герцог Скули³ провозгласил себя единоличным правителем и короновался в Тронхейме, а затем был убит Хаконом.

Начинается рассказ с того, что двадцать первую зиму своего правления, когда отношения между ним и герцогом только начали обостряться, конунг встретил в Бергене (Hák 215). Зимой он «отправил слово» («sendi ord») на север в Тронхейм герцогу Скули, приглашая того летом встретиться в Бергене, и просил его приплыть с небольшим количеством людей на легких кораблях. Весной конунг перебрался в Вик, и к нему туда приехали друзья. От них он узнал новости («kongr tok þar frettir») с севера страны и среди прочего то, что герцог Скули отпустил двух исландцев, которым конунг пока не разрешал покидать Норвегию. Как только конунг узнал об этом, он тотчас написал письма на север («giordi hann nordr bref») с запретом. Письма пришли («þessi bref komu»), когда эти двое уже были готовы к отплытию, и запрет конунга их не остановил. Итак, согласно саге, приглашение от короля к герцогу уходит устное (видимо, со специально посланными людьми), равно как и информация о герцоге доходит до короля в устных рассказах (на этот раз – его собственных друзей). Ситуация, требующая более официального вмешательства короля – его слова против слова герцога, – вынуждает короля обратиться к письменной коммуникации.

К конунгу приплыл с севера аббат Бьёрн, посланный к нему герцогом Скули, и в ответ на вопросы конунга подтвердил, что герцог приплывет весной, как его о том просил конунг. Аббат пробыл с конунгом долго, «пока готовились те письма, которые конунг собирался отправить» («medan bref þau voru buinn, sem kongr sende»). Но тут к конунгу приплыл один бонд из Тронхейма и рассказал такие новости («ok sagdi þau tidende»), что герцог собирается в Берген с большим войском на многих боевых кораблях. Тогда отъезд аббата был задержан, «потому что ему были сделаны другие письма, нежели те, что ранее были подготовлены» («fuiat honum voru gior onnur bref en þau, sem adr voru buinn». – Hák 216). Итак, опять письменная корреспонденция перемежается с устной.

---

³ В 1217 г., когда после смерти Инги Бардарсона (1204–1217) было три претендента на норвежский престол – Хакон Хаконарсон, сын Инги Гутгорм и брат Инги ярл Скули, – Хакон был избран королем, а Скули остался ярлом и советником при юном короле, правителем одной трети Норвегии. В 1225 г. они породнились – Хакон женился на Маргрет, дочери ярла Скули. В 1237 г. Хакон на Эйрартинге пожаловал ярлу Скули титул герцога.

Ответ на свое устное приглашение конунг получает тоже устно, через специально посланного к нему аббата. Что-то вынуждает конунга послать герцогу письмо, и на подготовку письма требуется время (!). Когда же устная информация (от вполне случайного бонда) опровергает предыдущую, конунг готовит новое письмо (в значении «подготовить» используются глаголы *búa* – IED. P. 87: «make ready», и *göra* – IED. P. 224: «make, prepare, get ready»).

Конунг, узнав о войске герцога Скули, собрал свое войско и отправился на север ему навстречу. Герцог, в свою очередь, двинулся в Берген с севера из Тронхейма с большим войском, но «узнал он такие новости» («*spurdi hann þau tidende*»), что конунг идет с юга из Вика с много большим войском, и потому повернул назад (Hák 217). Придя в Берген, конунг встретился там с архиепископом Сигурдом, который предложил перемирие на зиму между конунгом и герцогом. «С этим посланцы отправились на север» («*Fóru sendemenn vid þat norðr*»). Архиепископ получил от конунга полномочия в этом деле, и написал он тотчас герцогу («*ritadi byskup þegar til hertuga*»), чтобы тот ничего не предпринимал до встречи с ним (Hák 218). Герцог тем временем вернулся в Тронхейм, и тут к нему подошли еще воины, «в соответствии с посланным им ранее словом» («*eptir þui sem hann hafdi ord til sent*»), но поскольку ему пришлось нести большие расходы из-за большого числа людей, он повелел отправить в Тронхейм приказ о военном призыве («*þa let hann giora vtbodabref jnn j Þrandheim*»), который в данном случае он хотел получить продовольствием. Местные жители поначалу отказались, к тому же конунг Хакон прислал им письма («*Након kongr hafdi ok giort bref*»), в которых требовал, чтобы они не платили больших налогов, чем те, что взимал со своих подданных он. Однако герцог, при поддержке войска, получил желаемое (Hák 219). Вскоре (6 ноября 1239 г.), собрав Эйрартинг, он организовал избрание себя конунгом. В Тронхейм, ничего не зная заранее об этом, приехал архиепископ Сигурд. Он тотчас отправил письма конунгу Хакону, чтобы сообщить ему новости («*Giordi hann þegar bref til Наконаr kongs at segia honum þessi tidende*») (Hák 227). Однако узнал конунг о случившемся не из письма, отправленного, судя по всему, со специальным человеком, а из рассказа своего дружинника по имени Грим, который был в Тронхейме во время того тинга, а затем скакал к конунгу во весь опор (Hák 223). Итак, в изложении Стурлы Тордарсона устный способ получения информации соседствует с письменным

и иногда оказывается даже более эффективным, если ее носитель прикладывает к этому соответствующие усилия.

Кстати, Стурла дает понять, что для передачи писем существовали специальные люди. Так, он рассказывает, что той же осенью, раньше чем герцог Скули объявил себя конунгом, Хакон послал к нему двух своих дружинников с письмами («hafdi giort... hirdmenn sina... med brefum»), уточняя, что они оба были их слугами и часто ездили между ними («þeirra þionostumenn, ok hofdu optliga farit mille þeirra»). Посланцы вручили герцогу письма («hofdu fengit hertuga brefin») и несколько дней ждали, а как только получили ответ герцога («jafnskiott sem þeir fengu annsuor af hertuga»), стали собираться в обратный путь (Hák 225). В тот день, когда Скули повелел дать себе имя конунга, он отправил двоих своих письмонош («sendi hann brefasueina skutu sina») вдогонку за людьми Хакона, чтобы их убить (Hák 226). Итак, мы имеем термин *bréfasveinn* «письмоноша» и знаем, что это дружинник (*hirdmaðr*) или слуга (*þjónostu-maðr*), регулярно используемый для такого рода поручений.

Как следует из «Саги о Хаконе Хаконарсоне», письма играли немалую роль и, так сказать, в идеологической борьбе. Стурла рассказывает вот такую историю (Hák 237). Епископ Арни послал, раньше чем началось это противостояние, одного священника с письмами («med brefum») к архиепископу. Священник приехал в Берген, где герцог велел забрать у него все письма, однако, как только тот собрался назад, герцог попросил его взять с собой письма и велел прочитать перед конунгом («bad hertugi hann taka vid sinum brefum ok let lesa fyrir konunginum»), и в них не было ничего, кроме требований о возврате долгов жителям Бергена. Когда же подошло время запечатывать (т.е. скреплять печатью) письма («er insigla skylldi brefit»), герцог велел их подменить. К счастью для себя, конунг Хакон перехватил их, и ему стали известны содержащиеся в них ложные обвинения против него и его людей.

Архиепископ Сигурд предал анафеме некоего аббата Бьёрна, который знал о замыслах герцога Скули и помогал ему. Аббату это не понравилось, и он отправил жалобу на архиепископа папе («appelladi hann erkibyskup til pauans»). Надо думать, это была письменная апелляция. Более того, «аббат отправился по поручению герцога с его письмами в другие земли, в Данмарк и Германское государство, и в те земли, что там рядом, и так вплоть до Курии» («tok aboti vid erindum hertuga ok brefum til annarra landa, Danmerkr

ok þydeska Ēiki ok þau lond, er þar eru nær, ok sua ut til kuriam») (Hák 243). Скули отправил также скальда Ятгейра с письмами на восток в Емтланд, Хельсингаланд и Свитьод («hafdi giort austr j Jamtaland med brefum Jatgeir skalld ok sua j Helsingialand ok þadan j Suiþiod»), однако письма удалось перехватить посланному Хаконном его родичу Гуннару (Hák 244). Когда Хакон приехал в Берген, он приказал разыскать те письма, которые вез с собой Бьёрн («let hann ransaka bref þau, er Þiorn æboti for med»). Там оказались письма от имени герцога к папе, к императору и ко многим правителям за пределами страны («Var þar bref til þauans ok keisarans ok margra hofdingi vt í l'ndum af hertuga hende»), которые, как он думал, будут лучше всего продвигать его дело (Hák 257).

Герцог Скули был убит 24 мая 1240 г. в монастыре Хельгисетр (в пределах современного Тронхейма), о чем конунг узнал из писем Асольва («brefum Asolfs»), возглавлявшего последнее нападение на герцога. Когда конунг прочитал письма («er kongr hafdi yfir lesit brefin»), он сказал: «В этих письмах – две большие новости» («Aa brefi þessu eru mikil tidende tuenn»); и плохая новость та, что сгорел монастырь Хельгисетр, а вторая новость, что умер его тесть герцог Скули (Hák 283).

Последнее, на чем хотелось бы остановиться в связи с письмами в саге о Хаконе, это рассказ о его коронации. Как повествует Стурла, в какой-то момент в страну вернулся аббат Бьёрн и просил передать Хакону, что везет хорошие новости. И когда конунг принял его, передал он ему привет от папы и благословение (папа римский, о котором идет речь, – это Иннокентий IV, 1243–1254), вместе с письмами и такими прекрасными посланиями, равные которым едва ли когда приходили в Норвегию от пап («bar [hann] honum kuediu þauans ok blezan med brefum ok sua fogrum ordsendingum, at varla hefir komit jafnfagurt bref j Noreg af þauanum») (Hák 288). Шла, согласно саге, двадцать восьмая зима правления конунга Хакона (т. е. зима 1244/45 г.). Поразмышляв над тем прекрасным письмом, которое ему написал папа, конунг Хакон «отправил слово» («En er Hakon kongr hugsadi eptir vm bref þat hit fagra, er Innocencius þaui hafdi ritad til hans, þa sendi hann ord») архиепископу Сигурду и другим епископам, чтобы написать вместе с ними папе («rita med ser til þaua») и просить папу прислать кого-нибудь, чтобы короновать Хакона. Они согласились, но выставили свои условия, которых Хакон не принял, и потому отправил людей к папе сам и про-

сил («giordi Hakon kongr menn til pauans ok beiddizt») оказать ему такую честь и прислать какого-нибудь кардинала, чтобы венчать его короной (Hák 289). Получается, что на письмо папы конунг отвечает устным посланием через своих людей. Можно думать, что именно эти посланцы названы в письме папы Иннокентия к королю Хакону от 30 октября 1246 г. (о чем см. ниже). Зиму 1245/46 г. конунг провел в Бергене, а зиму 1246/47 в Тронхейме, и когда прошла эта зима, пришли послания из Рима от посланцев конунга, и в них говорилось («komu ordsendingar utan fra Roma af sendim¹num kongs ok sogdu»), что уже в этом году приедет в страну один из кардиналов и окажет конунгу все возможные почести в соответствии с повелением папы (Hák 290). Весной Хакон вернулся в Берген. Кардинал Вильгельм Сабинский (1244–1251), после остановки на пути в Англии у короля Генриха III, приплыл в Норвегию в день святого Ботольфа (17 июня 1247 г.) («Uilhialmr kardináli kom til Noregs Botolfsvokudag») (Hák 292). Коронация была намечена на день св. Олава («Vjgsla þessi var ætlud^a Olafsvokudag») – 29 июля 1247 г. (Hák 296) – и в этот день состоялась.

Надо отметить, что сохранилось четыре письма от папы Иннокентия IV конунгу Хакону Хаконарсону, однотипно начинающихся таким обращением: «Innocentius episcopus etc. Carissimo in Christo filio Naquino illustri regi Norwegie» («Иннокентий епископ и проч. Дражайшему сыну во Христе, Хакону, прославленному королю Норвегии»). В них папа Иннокентий объявляет королю Хакону, что в ответ на его письмо и просьбы, переданные через его посланников, аббата Лаврентия из Ховедё и Бьярни Канника, он отправляет кардинала Вильгельма в качестве апостольского легата в Норвегию и Швецию и просит оказать ему достойный прием (DN. B. 1. S. 25: № 30 от 30 октября 1246 г.), принимает короля Хакона под апостольскую опеку из-за крестового похода, который тот намерен предпринять (DN. B. 1. S. 27: № 33 от 6 ноября), признает *jus patronatus* короля Хакона в церквях, которые тот ставит на границах своего королевства для искоренения язычества (DN. B. 1. S. 29: № 37 от 7 ноября), и, наконец, освобождает короля Хакона Хаконарсона от порока его рождения, давая тем самым разрешение на его коронацию: «Итак, поскольку светлой памяти Хакон, король Норвегии, твой отец, насколько нам известно, будучи вне брака, воспринял тебя от внебрачной женщины, мы, удостаивая твое высочество особым благоволением, чтобы тебе такого рода дефект не помешал быть допущенным к достоинству королевского

престола и ко всем легитимным действиям и чтобы твои законные наследники тебе наследовали во власти и почете, мы, посовещавшись с нашими братьями, освобождаем тебя [от него] апостолическим авторитетом»⁴.

«Круг земной», часть первая

Обратимся к сагам, посвященным конунгам с середины IX в. до 1000 г. – года гибели Олава Трюггвасона, года принятия христианства в Исландии. Это – саги о Хальвдане Черном (Hálfdr Sv), Харальде Прекрасноволосом (Hárf), Хаконе Добром (Hák Góð), Харальде Серая Шкура (HGráf) и Олаве Трюггвасоне (ÓT)⁵. «Саги повествуют о походах конунгов внутри страны и за ее пределами, об их отношениях со знатью и с сельскими жителями-бондами, о постепенном объединении страны и ее христианизации» (Гуревич 1980. С. 612). Речь идет о многочисленных походах и сражениях, налаживании дружественных отношений и конфликтах. Во всех этих ситуациях получение информации (о состоянии и расположении войска противника, о готовящемся нападении, о приближении вражеского войска) и передача информации (распоряжений, команд, созыва войска) крайне важны, и Снорри регулярно и детально говорит об этом.

Hálfdr Sv 2 начинается так: «Хальвдан Черный проведал, что в Раумарики идет война» («Hálfdr svarti spurði, at ófriðr var á Raumaríki»), – и далее следует рассказ о том, как конунг собрал войско и пошел в Раумарики против конунга Эйстейна, как последний проигрывал одну битву за другой и бежал, а потом отправил одного своего родича к Хальвдану попытаться восстановить дружеские отношения («sendi hann Hallvarð skálk, frænda sinn, á fund Hálfdranar konungs at leita um sættir»), что тому и удалось (Hkr 1. Bls. 85–86). Основной способ передачи информации, согласно саге (см. также Hálfdr Sv 5), – это отправка человека с каким-либо поручением (используется гла-

---

⁴ DN. В. 1. S. 29–30. № 38 от 8 ноября: «Cum itaque clare memorie Haquinus, Norwegie rex pater tuus, te, prout accepimus, solutus suscepit de soluta, nos tuam celsitudinem speciali benivolentia prosequentes, ut huiusmodi non obstante defectu ad regalis solii dignitatem et omnes actus legitimos admittaris, nec non quod heredes tui legitimi tibi in dominio et honore succedant, fratrum nostrorum communicato consilio, tecum auctoritate apostolica dispensamus». (Перевод А.В. Подосонова.)

⁵ Генеалогическую таблицу и условные даты правления норвежских конунгов династии Харальда Прекрасноволосого см. в Приложении.

гол *senda* «посылать, отправлять». – IED. P. 522–523). А получение информации обозначается в данном случае (а также в *Hálfdr Sv* 1, 3, 5, 10) при помощи глагола *spyrja* со значением «отслеживать, расследовать, выяснять» (IED. P. 585: “to track, investigate, find out”). Перевод М.И. Стеблин-Каменского – «до Хальвдана Черного дошел слух» (КЗ. С. 38), – как кажется, несколько искажает ситуацию: до конунга доходит не случайный слух, а информация от его лазутчиков (разведчиков), *njósarmenn* (IED. P. 456), хоть и не названных в этой саге, но фигурирующих далее в повествовании Снорри. Ср. в *HákGóð* 23: разведчики пришли к конунгу Хакону и говорят ему о том, что им удалось узнать («*Njósarmenn kómu til Hákonar konungs ok sǫgðu honum sín ærendi*». – *Hkr* 1. Bls. 177). В *ÓT* 38 Снорри описывает еще один способ получения информации. Когда йомсвикинги начали грабить и опустошать побережье Норвегии, к ярлу Хакону Сигурдарсону приплыл на быстроходном корабле один человек и «рассказал ярлу новости» («*ok sagði jarli tíðendi*») о том, что на юг страны пришло войско из Дании. Ярл сначала не поверил ему, но тот показал руку с отрубленной кистью, сказав, что это может служить доказательством того, что чужое войско уже здесь («*segir, at þar váru jartegnir, at herr var í landinu*»). Тогда ярл детально выяснил у него всё об этом войске («*Síðan spyrt jarl inniliga at um her þenna*») (*Hkr* 1. Bls. 277).

В *HNárf* Снорри повествует о конунге, который правил чуть ли не семьдесят лет, ок. 858–928 гг., и стал основателем династии норвежских королей и единого Норвежского государства. Историчность этой информации вызывает у исследователей вполне естественные сомнения (см.: Джаксон 2011), но ничто не мешает на основании саги прояснить представления Снорри о способах коммуникации в означенное время. Начало создания единого Норвежского государства связано в саге с одной красивой историей, показательной как раз с интересующей нас точки зрения. Здесь рассказывается (*HNárf* 3), как вскоре после того как Харальд стал конунгом, он послал своих людей за одной девушкой («*Haraldr konungr sendi menn sína eptir meyju einni*»), которую звали Гюда, дочь конунга Эйрика из Хордаланна, намереваясь взять ее в наложницы. Посланцы Харальда приехали к ней и изложили то, что им было поручено («*en er sendimenn kómu þar, þá báru þeir upp ærendi sín fyrir meyna*»). Но она отказалась ехать с ними, и они засобирались в обратный путь. Тут Гюда заговорила с посланцами и просила передать конунгу Харальду такие слова («*Þá mælti*

Гуða við sendimenn, það þá bera þau orð sín Haraldí konungi»), что она согласится стать его женой не раньше, чем он подчинит себе ради нее всю Норвегию (Нкр 1. Bls. 96). Последовавшая затем серия завоевательных походов приводит Харальда к единовластию, и в конечном итоге он женится на Гюде. «Изображение политики объединения страны в виде подвига ради получения руки девицы» придает саге «дополнительную привлекательность и занимательность» (Гуревич 1972. С. 147). Мы же вновь видим, как работает механизм передачи информации – изустно, при помощи неких специально посылаемых людей. Глагол *senda* «посылать, отправлять» относится не только к посланцам, но и соединяется с существительным *orð*, п «слово, слова» в выражение *senda orð* «послать слово» в значении «отправить сообщение» (IED. P. 467). Ср. Hákgóð 3: «Адальстейн, конунг англов, отправил сообщение Эйрику и просил его принять от него владения в Англии, говоря, что...» («Aðalsteinn Englakonungr sendi orð Eiríki ok bauð honum at taka af sér ríki í Englandi, sagði svá, at...»). – Нкр 1. Bls. 152); Hákgóð 19: конунг Хакон «послал слово ярлу Сигурду, чтобы тот пришел к нему» («sendi hann þá orð Sigurði jarli at koma til sín». – Нкр 1. Bls. 173) или, в лаконичном переводе М.И. Стеблин-Каменского, «он послал за Сигурдом ярлом» (КЗ. С. 77). Наряду с *senda orð* Snорри использует синонимичное словосочетание *senda boð* (*boð*, п «предложение» – IED. P. 71): «конунг Хакон послал им сообщение и предложил им сойти на берег...» («Hákon konungr sendi þeim boð ok bauð þá á land ganga». – Нкр 1. Bls. 178) (Hákgóð 24). Корень *send-* фигурирует также в двух композитах: *sendimenn* «посланцы» (мн. ч. от *sendimaðr*) и *orðsending* «словесное (т.е. устное) послание». В ННárf 31 (если перевести буквально) говорится: «тогда отправились люди и устные послания между конунгом и ярлом» («Þá fóru menn ok orðsendingar millum konungs ok jarls». – Нкр 1. Bls. 134) (ср. литературный перевод М.И. Стеблин-Каменского: «конунг и ярл вступили в переговоры через гонцов». – КЗ. С. 59; ср. в НGráf 1: «отправились слова и посланцы» («fóru orð ok sendimenn». – Нкр 1. Bls. 198). Еще один глагол, обращающий на себя внимание в данном контексте, – *bera* «нести», означающий в соединении с *orðsending* «послание» или *erendi* «поручение, сообщение» – «передавать, рассказывать» (IED. P. 58–59): «bað þá bera þau orð sín Haraldí konungi». – Нкр 1. Bls. 96).

Число примеров можно умножить, но результат останется тем же – во всех сагах первой части «Круга земного» отмечается один

и тот же способ передачи информации: Снорри последовательно говорит об отправленных посланцах, передаваемых ими словах, просьбах, приказах, устных посланиях, уверениях в дружбе, поручениях, новостях и проч. В тех случаях, когда его (возможные) источники, допуская анахронизм, упоминают письма (*bréf*), Снорри в одном случае заменяет «письмо» на «устное послание», а в другом вообще опускает соответствующую часть рассказа.

Так, согласно «Красивой коже» (Fask, ок. 1220), умирающий Хакон Добрый послал письма («sendi bréf») сыновьям Гуннхильд, в которых передал своему родичу Харальду всё свое королевство, а когда письма пришли («en þá er bréf kómu») к Харальду с братьями, те отправились к конунгу Хакону, но уже не застали его в живых (Fask. Bls. 94–95). Переводчик этого текста А. Финли тоже отмечает, что упоминание писем в данном контексте – анахронизм (Fask/Finlay. P. 72, n. 118). Надо сказать, что более ранний источник, «Обзор саг о норвежских конунгах» (Ágrip, ок. 1190), утверждает, что норвежцы избрали Харальда конунгом по совету Хакона Доброго («tóku Norðmenn eptir ráði Hákonar konungs Harald gráfeld til konungs í Nóregi». – Ágrip. Bls. 12). Снорри не следует в этом случае ни одному из возможных источников (HákGóð 32), а сообщает, что Хакон перед смертью отдал распоряжение «отправить слово» («bað þá senda þau orð») сыновьям Эйрика, что они должны стать конунгами над страной (Hkr 1. Bls. 192).

Целому ряду источников – от ранних («История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха, 1177–1180 гт., Ágrip, «Сага о Йомс-викингах», ок. 1200 г.) до весьма поздних (XIV в.) редакций «Саги об Олаве Трюгвасоне» – известна некрасивая история смерти Гуннхильд, матери конунгов. Теодорик рассказывает, как Хакон (имеется в виду хладирский ярл Хакон Сигурдарсон, правитель Норвегии в 974–975 гт.) придумал хитроумный план: он попросил короля Дании (который в то время всё еще был язычником, а потому в дружеских с ним отношениях) послать Гуннхильд тайное письмо с просьбой стать его женой («rogat ut mittat litteras ad Gunnildam occulte petatque sibi eam in matrimonium»). Получив письмо («Succcepit itaque mulier regias litteras...»), Гуннхильд поспешила в Данию, где король велел схватить ее и утопить в болоте (Theod. P. 12–13). Теодорику вторит и автор Ágrip, утверждая, что ярл Хакон попросил датского конунга Харальда обманом выманить Гуннхильд из страны и отправить ей письмо и посланцев с предложением руки («at hann sendi henni rit sitt ok sendi menn at biðja hennar»). Тот послал ей письмо и сказал («hann sendi

henni rit ok kvað»), что хорошо будет, если немолодая она станет женой немолодого конунга. Конец здесь тот же самый (Ágrip. Bls. 15). Снорри (как и автор Fask) просто выпустил эту историю из своего повествования.

«Круг земной», часть вторая

Вторая, центральная, часть «Круга земного», равная по объему первой и третьей частям, содержит только одну сагу – об Олаве Харальдссоне (ОН), объединителе и христианизаторе Норвегии, ее святом покровителе и *rex perpetuus Norwegiæ*. Сын Харальда Гренландца, мелкого конунга в Вестфолле, Олав родился в 995 г., а в двенадцать лет отправился в свой первый викингский поход. Снорри говорит, что он воевал в Дании и Швеции, в землях финнов и эстов, во Франции и Испании. Только осенью 1014 г., по хронологии Снорри, Олав вернулся в Норвегию. Он тут же изгнал из страны ярла Хакона Эйрикссона, сражался в битве у Несьяра с ярлом Свейном Хаконарссоном и победил его, став с 1015 г. единовластным правителем Норвегии. Согласно Снорри, Олав прилагает усилия к разрешению норвежско-шведских пограничных споров, что заканчивается, среди прочего, тем, что к 1019 г. он становится зятем Олава Шведского. Снорри подробно рассказывает о христианизации Олавом Норвегии, о подчинении Оркнейских островов, об отношениях с Исландией, Гренландией и Фарерскими островами. Снорри фиксирует перемещения конунга Олава по стране; время и место пиров, тингов и пр.; остановки на зиму. Естественно, в процессе этой кипучей деятельности Олав постоянно собирает сведения о происходящем вокруг, о перемещениях и состоянии войск противников, сносится с людьми (другими правителями и подчиненными), рассылает команды, приказания, назначает места встречи и сбора войска, вызывает людей к себе, договаривается о совместных действиях и проч. Олав – центральный персонаж саги. Но так же, как и он, коммуницируют с ним и друг с другом его сторонники и противники. Сюжетика королевских саг такова, что обмен информацией занимает в ней весьма важное место. В «Саге об Олаве Святом» Снорри в целом ведет речь об устной коммуникации, используя ту же лексику, что и в первой части «Круга земного». Здесь фигурируют многочисленные *njósnamenn* «лазутчики», получение информации от которых выражается глаголом *sprýja* «выяснять» (см. также оборот *halda njósnum* «вести

слежку»); и *sendimenn* «посланцы», с которыми посылают (глагол *senda*) и которые несут (*bera*) и говорят (*segja*) слова (*orð*), послания (*orðsending*), поручения (*erendi*), новости (*tíðindi*) и проч.

Но есть у Снорри в этой саге и одно существенное «новшество»: многократно (вплоть до пятнадцати раз) в ней фигурируют сопровождающие устное послание и подтверждающие его достоверность *jartegnir* «верительные знаки» (от *jartegn*, n – «a token, wring, knife, belt, sword, or the like; properly, ‘a word’s token’, which a messenger had to produce in proof that his word was true». – IED. P. 324). Какого рода эти знаки, Снорри дает понять лишь единожды (ÓН 69) – в рассказе о том, как Олав Харальдссон посылает Бьёрна Окольного к гаутландскому ярлу Рёгнвальду Ульвссону (женатому на Ингибьёрг Трюгвадоттир, сестре Олава Трюгвасона) с тем, чтобы они вместе встретились с Олавом Шведским и передали ему, что он хочет установить мир между странами и ту границу, которая была до него при Олаве Трюгвасоне (Hkr 2. Bls. 88). Отправляя своего посланца, Олав «вынул украшенный меч и золотой перстень, передал Бьёрну. “Я даю тебе меч. Его дал мне летом ярл Рёгнвальд. К нему ты должен поехать и передать ему мое слово, чтобы он помогал вам советами и оказывал поддержку, чтобы ты смог выполнить мое поручение... А этот перстень ты передашь Рёгнвальду ярлу. Эти знаки он должен узнать”» («Þá tók hann upp sverð búið ok fingrgull ok seldi Birni. “Sverð þetta gef ek þér. Þat gaf mér í sumar Rognvaldr jarl. Til hans skuluð þér fara ok bera honum þau mín orð, at hann leggi til ráð ok sinn styrk, at þú komir fram órendinu... En fingrgull þetta fær þú Rognvaldi jarli. Þessar jartegnir mun hann kenna». – Hkr 2. Bls. 88). Еще один раз (ÓН 91) – без уточнения, какие именно это были предметы, – Снорри говорит о том, что племянник скальда Сигвата и один из его слуг отправились с тайным поручением к ярлу Рёгнвальду и «предъявили они ярлу те знаки, о которых ярл и Сигват условились между собой при расставании» («Þá báru þeir fram fyrir jarl jartegnir þær, er þeir jarlinn ok Sigvatr höfðu gort með sér at skilnaði». – Hkr 2. Bls. 145–146). Ни в Ágrip, ни в Fask – в главах, посвященных Олаву Харальдссону, – ничего подобного нет. Я склонна думать, что сопровождающие устное послание «знаки» (*jartegnir*) выступают, в представлении Снорри Стурлусона, аналогом сопровождающих письменное послание «печатей» (*innsigli*, n), появившихся в этот период времени в Норвегии и отмеченных им в той же «Саге об Олаве Святом».

На фоне этих рассказов Снорри о верительных знаках и устных посланиях удивляет упоминание им нескольких писем Ингигерд,

дочери Олава Шведского. Одно из них (ÓН 72) – относительно возможного брака с Олавом Харальдссоном – написано ею и исландским скальдом Хьяльти и адресовано ярлу Рёгнвальду и его жене Ингибьёрг («bréfum þeim, er Ingigerðr konungsdóttir ok þau Hjalti sendu jarli ok Ingibjörgu». – Нкр 2. Bls. 100). Другие (ÓН 91) – описывающие приезд к Олаву Шведскому послов-сватов от Ярослава Мудрого – присланы всё тому же ярлу Рёгнвальду, а получает из них информацию (не ясно, читает сам или ему пересказывают) гостящий у ярла скальд Сигват («Sigvatr skáld kom til Rognvalds jarls ok var þar í góðum fagnaði langa hríð. Þá spurði hann þat af ritsendingum Ingigerðar konungsdóttur...»). – Нкр 2. Bls. 144). В *Ágrip*, *Fask* и «Легендарной саге об Олаве Святом» (ÓНLeg, начало XIII в.) рассказ о попытке сторонников Олава Харальдссона организовать брак между ним и Ингигерд и о последующем ее браке с Ярославом Мудрым гораздо лаконичнее, и интересующих нас подробностей не содержит. Так что, похоже, авторство здесь принадлежит лично Снорри. Кстати, существительное *ritsending*, n (букв.: «написанное послание») нигде более в древнескандинавской прозе не зафиксировано (IED. P. 498; ONP).

Что касается печатей, то Снорри рассказывает (ÓН 131), как к норвежскому конунгу Олаву в Тунсберг прибыли из Англии послы конунга англо-и данов Кнута Великого (*Knutr inn ríki Sveinsson*)⁶. У них были с собой письмо и печать конунга англо-и данов («höfðu þeir bréf ok innsigli Englakonungs»). «И когда они получили разрешение говорить с ним, вышли они перед конунгом и предъявили письмо конунга Кнута, и озвучивают (букв.: говорят) те сообщения, которые в нём содержались, что конунг Кнут объявляет всю Норвегию своим владением...» («En er þeir fengu lof til at mæla við hann, þá géngu þeir fyrir konung ok báru fram bréf Knúts konungs ok segja øtendi þau, sem fylgðu, at Knútr konungr kallar sína eign á Nóregi öllum...»). «Затем они предъявили письмо и сказали, что в нём всё то же самое» («Síðan báru þeir bréf fram, ok sögðu þau allt slíkt it sama». – Нкр 2. Bls. 223). Как можно понять, наличие письма вовсе не означает, что кто-то должен его читать. Из слов Снорри следует, что ни послы, ни адресат не читали письма: оно лишь было дважды продемонстрировано – сначала вместе с печатью конунга Кнута и затем (видимо, для создания большего эффекта точности произнесенного) после устного озвучивания его содержания. Важно и то, что в ответ Олав шлет

---

⁶ Кнут Великий – король Англии (1016–1035) и Дании (1018–1035).

Кнуту устное послание: «Тогда отвечает конунг Олав: “...Теперь вы должны сказать ему такие мои слова, что я буду защищать Норвегию с оружием в руках до конца своих дней и никому не стану платить подати с моего государства”» («Nú skuluð þér segja honum þau mín orð, at ek mun verja oddi ok eggju Nóreg, meðan mér endask lífdagar til, enda gjalda engum manni skatt af ríki mínu». – Hkr 2. Bls. 224). Посланцы отправились назад и, встретившись с конунгом Кнутом, рассказали ему о результате своей поездки («ok sǫgðu honum ørendislok sín») и о тех заключительных словах, что конунг Олав сказал им напоследок («þau álykðaoṛð, er Óláfr konungr mælti síðast við þá». – Hkr 2. Bls. 223–225). В ÓHLeg 47 присутствует рассказ о посланцах Кнута, требующих податей с Норвегии, но ни о каких письмах речи там не идет. Снорри сам – в дополнение к тому, что сообщают его источники, – удивительным образом обрисовывает встречу письменной и бесписьменной культур, причем нисколько не приукрашенную в пользу его главного героя. Он явно не относит грамотность к числу *íþróttir* – неперменных достоинств конунга.

Аналогичная ситуация с рассказыванием написанного текста повторяется у Снорри (ÓH 148) в истории о том, как ярл Ульв Спракалеггссон, которого конунг Кнут, отправившись в Англию, оставил своим наместником в Дании, собирает тинг и объявляет, что якобы Кнут дал ему распоряжение сделать так, чтобы конунгом Дании признали его сына Хёрдакнута. Сначала рассказав собравшимся бондам об этом, «ярл затем предъявил письмо и печать конунга Кнута, подтверждавшие всё то, о чем ярл говорил» («Síðan bar jarl fram bréf ok innsigli Knúts konungs, þau er sonnuði allt þetta, er jarl bar upp»). Ярла поддержали и другие знатные люди, и их совместные уговоры убедили народ признать Хёрдакнута конунгом, что и было сделано на том же тинге. Весьма любопытно разъяснение этой ситуации, которое предлагает Снорри. Оказывается, главной в этой затее была королева Эмма. «Это она велела подготовить письмо и скрепить печатью. Она тайком взяла печать конунга, а сам он был в неведении относительно всего этого» («Hafði hon látit gera bréf þessi ok látit innsigla. Hafði hon með brögðum nát innsigli konungs, en hann sjálfir var leyndr þessu öllu». – Hkr 2. Bls. 275).

Несколько иначе эта история излагается в Fask, откуда, слегка изменив, ее мог позаимствовать Снорри. Главное отличие заключается в том, что ярл на тинге не ограничивается собственными словами, как бы заверенными предъявлением письма с печатью. Здесь, напротив, ярл сначала «показывает печать конунга Кнута

и письма, которые были вместе с ней» («bergr jarlinn fram innsigli Knúts konungs ok bréf þau, er þar fylgðu»), а затем «приводит своего капеллана, чтобы прочитать их вслух перед [собравшимися] людьми» («fær til karalín sínn at lesa upp fyrir alþýðu». – Fask. Bls. 202). Суть от этого, впрочем, не меняется. И сам Снорри, и его источник фиксируют использование писем Кнутом Великим и его ближайшим окружением, противопоставляя его по-прежнему устной форме общения при его собственном датском дворе (как в предыдущем примере – при норвежском).

«Круг земной», часть третья

Третья часть «Круга земного» посвящена событиям норвежской истории с 1035 г. – года избрания королем Магнуса I Олавссона Доброго – до 1177 г., с которого начинается изложение в написанной раньше сводов «Саге о Сверрире».

В «Саге о Магнусе Добром» (MGóð 36–37) Снорри рассказывает о том, что после смерти Хёрдакнута (Хардекнуда, короля Дании, 1035–1042, и Англии, 1040–1042) Магнус (по заключенному с ним несколькими годами ранее договору, что тот из них, кто переживет другого, не оставившего к тому же наследников, будет править обеими державами) в 1042 г. стал королем не только Норвегии, но и Дании. И тут же заявил свои претензии на Англию. Он отправил своих людей к «конунгу Ятварду», английскому королю Эдуарду Исповеднику (1042–1066), а получив его ответ, произнес: «Я думаю, наиболее разумным и верным решением будет дать конунгу Ятварду мирно владеть своей державой, насколько это зависит от меня, а мне держать это государство, которым бог мне дозволил владеть» («Ek ætla hitt munu vera sannast ok bezt fallit at láta Eatvarð konung hafa ríki sitt í ró fyrir mér, en halda þessu ríki, er guð hefir mik eignask látit». – Hkr 3. Bls. 66–67). Нас интересует, как осуществлялась эта коммуникация. Здесь у Снорри два источника – «Гнилая кожа» (Msk, 1217–1222 гг.) и отчасти повторяющая ее в этом описании Fask. Оба они утверждают, что Магнус «отправил людей с письмами на запад в Англию» («sendi hann menn með bréfum til Englands vestr» (Msk 1. Bls. 77; ср.: Fask. Bls. 216). Msk далее повествует о том, как посланцы прибыли к конунгу Ятварду, изложили то, что им было поручено, и предъявили письмо («En er sendimenn Magnúss konungs kómu í England

á fund Játvarðar konungs báru þeir fram erendi sín ok bréf Magnúss konungs». – Msk 1. Bls. 78). В Fask пересказ содержания письма вводится словами: «и такое было сообщение в письме» («ok var sú orðsending í bréfum»). – Fask. Bls. 216). А дальше оба свода дают понять, что сам английский король письма не читал. В Msk говорится, что, «когда конунг Ятвард посмотрел на письмо, подготавливает он другое письмо – конунгу Магнусу» («Ok er Játvarðr konungr hafði yfir litit bréfin Magnúss konungs þá gærir hann önnur bréf í móti til Magnúss konungs»). – Msk 1. Bls. 78), а Fask выражается еще яснее: «когда конунг Ятвард услышал это письмо, он велел подготовить другое в ответ. Он сначала сказал о том, что...» («þá er Játvarðr konungr heyrði þessi bréf, lét hann gera þegar önnur í mót. Hann sagði fyrst í frá því...»). – Fask. Bls. 217). Скорее всего, за словосочетанием «göra bréf» («подготовить письмо») скрывается процесс записи каким-то грамотным человеком того, что говорит/диктует конунг. А дальше Msk и Fask представляют дело по-разному: в первом своде читаем: «когда конунг Магнус услышал и прочитал эти слова конунга Ятварда» («er Magnús konungr heyrði ok las þessi orð Játvarðar konungs...»). – Msk 1. Bls. 79), во втором: «когда конунг Магнус услышал это послание конунга Ятварда» («þá er Magnús konungr heyrði þessa orðsending Játvarðar konungs...»). – Fask. Bls. 218). Слова «ok las» в более раннем своде видятся мне позднейшей (ошибочной) вставкой, на что указывает нелогичность соединения двух указанных действий – прослушивания и чтения, причем не письма (*bréf*), а послания (*orð*). Если принять это мое предположение, то получается, что оба источника Snорри воспринимают письма в процессе обмена информацией между английским и норвежским правителями ок. 1042 г. как подтверждение устных сообщений.

Snорри эта ситуация видится иначе, а именно – в том же ключе, в каком он представил выше контакты Олава Харальдссона, отца Магнуса, и Кнута Великого. Здесь посланцы из Норвегии отправляются в Англию с «письмом и печатью конунга Магнуса» («þá gerði hann sendimenn vestr til Englands. Fóru þeir á fund Játvarðar konungs ok fluttu honum bréf ok innsigli Magnúss konungs»). – Hkr 3. Bls. 65), т.е. не письмо удостоверяет слова, а печать удостоверяет письмо. Отправленное письмо адресовано английскому правителю, т.е. *homo legens*. Нам не говорится, кто написал исходное письмо Магнуса. Надо думать – какой-нибудь клирик из его окружения. Но вот что важно: прочитав его письмо, ответ ему,

согласно Снорри, английский король не пишет вовсе, а произносит, да к тому же завершает всё это просьбой передать (а буквально – «сказать») Магнусу его слова («en er Játvarðr konungr hafði lesit bréf þessi, þá svaraði hann svá... Segið honum svá mín orð»), и далее уточняется, что посланцы передали Магнусу то, что услышали («Fóru þá sendimenn aprt ok kómu á fund Magnúss konungs ok sögðu honum alt sitt ørendi». – Hkr 3. Bls. 66).

Следующее упоминание писем встречаем у Снорри веком позднее. «Сага о сыновьях Харальда Гили» (Hsona 1) начинается с рассказа о событиях, последовавших за убийством (в 1136 г.) Сигурдом Слембидьяконом конунга Харальда Гили. Вдова конунга Ингирид и лендрманны предприняли усилия для одновременного провозглашения конунгами двух малолетних сыновей Харальда – его законного сына, Инги Горбуна (1136–1161), которому тогда шел второй год, в Вике и незаконнорожденного малолетнего сына, Сигурда Рот (1136–1155), в Тронхейме. Для этого сама Ингирид отправилась в Вик, где воспитывался Инги, а на север в Тронхейм было решено послать быстроходный корабль с сообщением о смерти Харальда и с указанием, что трэнды должны провозгласить конунгом Сигурда («at segja fall Haralds konungs ok þat með, at Þrændir skyldu taka til konungs son Haralds konungs Sigurð»), который был тогда там на воспитании у Гюрда Сеятеля (Hkr 3. Bls. 303). Когда в Северный Мёр приплыл Сигурд Слембидьякон, там уже были получены письма и знаки («váru allt komin fyrir honum bréf ok jartegnir». – Hkr 3. Bls. 304) тех влиятельных мужей, которые перешли на сторону сыновей Харальда, и Сигурд никакой поддержки там не встретил. Похоже, что вся описанная ситуация разрешается с помощью устных сообщений, и даже названные сагой «письма» могли бы быть переданы устно, поскольку сопровождались «знаками».

Практически к тому же времени относится вполне курьезная ситуация, связанная с письмом от трехлетнего конунга Инги к пятилетнему конунгу Сигурду в момент военной угрозы со стороны Сигурда Слембидьякона, содержащаяся в Msk. Лакуна в тексте не сохранила для нас обозначения письма («Þa sendi Ingi konungr... bræðr sínum norðr til Þrándheims»), но всё равно ясно, что это было письменное послание («Þat var á ritinu at». – Msk 2. Bls. 199). Автор Fask лишь лаконично сообщает, что «Инги послал письмо Сигурду с большой просьбой прийти с войском к нему на помощь» («í þann tíð sendi Sigurði rit Ingi með áskoru mikilli, at hann kvæmi til liðs við hann». – Fask. Bls. 333). Снорри, напротив,

говорит (Hsona 8), что конунг Инги отправил на север в Каупанг письмо («sendi bréf»), хотя в этот раз и не уточняет, что письмо было с печатью, и далее, указав, что «в нём были такие слова» («þar stóðu þessi orð á»), воспроизводит полный его текст в соответствии с Msk. Описав свою и брата беспомощность («Всеми людям известны те трудности, которые мы испытываем, и наш юный возраст, то, что тебе всего пять лет, а мне три. Мы ничего не можем предпринять, кроме как с помощью наших друзей и добрых людей»), Инги указывает в этом письме, что ему и его друзьям угрожает большая опасность, и просит Сигурда как можно скорее прибыть к нему с как можно большим войском (Hkr 3. Bls. 314). Очевидно, что письмо написано не малолеткой-конунгом – тут даже не в грамотности дело, а в том, что сама политическая игра была для него сложна. При этом Снорри даже не пытается дать понять, что кто-то из лендрманнов в окружении конунгов в первой трети XII в. был грамотен. Он вкладывает ответ конунга Сигурда, которого, по словам саги, принесли на тинг, в уста одного могущественного лендрманна («Тогда отвечает Оттар Кумжа и встал на тинге, и произнес: “Вот слова конунга Сигурда, которые он [хочет] сказать своему брату, конунгу Инги...”» – «Þá svarar Óttar birtingr ok stóð upp á þinginu ok mælti: “Þat er mál Sigurðar konungs at mæla til Inga konungs, bróður síns...”»). – Hkr 3. Bls. 315), который затем быстро переходит к изложению собственного взгляда на ситуацию. Никто никаких ответных писем при этом не пишет.

Наконец, в «Саге о Магнусе Эрлингссоне» (MErl), последней саге «Круга земного», Снорри говорит о письмах датского короля Вальдемара I Великого (1157–1182), претендующего (на основании более раннего договора) на часть норвежской территории, к норвежскому королю Магнусу V (1162–1184) и его отцу ярлу Эрлингу, реальному правителю при малолетнем конунге (MErl 23), а также о письмах их противников среди норвежских магнатов, выражающих свою верность датскому королю (MErl 25–26). Сначала Вальдемар отправил людей с письмами («sendi konungr menn sína með bréfum»). – Hkr 3. Bls. 399), в которых высказал свои претензии на «весь Вик до Рюгьярбита на севере». Вновь Снорри дает понять, что письма Эрлингом (Магнусу-то в это время всего шесть лет) не были прочитаны, а только показаны ему («sendimenn kómu fram ok sýndu Erlingi bréf Danakonungs»). Эрлинг, не давая сразу посланцам ответа, обратился к своим советчикам (а в Fask 108 письма еще читались на тингах и собраниях

людей: «þá váru þau bréf upp lesin á þingum ok á mótum». – Fask. Bls. 349), а затем предложил посланцам поехать с ним осенью в Вик, где он хотел посоветоваться с умнейшими мужами. Те же в конечном итоге отказались принять датское владычество.

Следующей зимой, после неудачи этой официальной миссии, датский конунг предпринял нечто иное. Отправленные им несколько датчан пришли в Тронхейм под видом паломников к святому Олаву, но в действительности они искали встречи с могущественными мужами с целью заручиться их дружбой на случай, если Вальдемар прибудет в страну. «Это устное послание сопровождалось письмом и печатью конунга датчан, а вместе с тем просьбой, чтобы бонды прислали в ответ свои письма и печати» («Þessarri orðsending fylgði bréf ok innsigli Danakonungs ok þat með, at þeir bændrnir skyldi senda í mót sín bréf ok innsigli». – Нкр 3. Bls. 401). Они так и сделали. Однако вскоре ярл Эрлинг собрал Эйрартинг и обвинил трёндов в измене, а в ответ на их попытку оправдаться предъявил им «много писем и печатей» («helt upp bréfum mǫrgum ok innsiglium»), спрашивая, узнают ли они там свои печати («ef þeir kenndi innsigli sín þar»), а письма к тому же были прочтены вслух («váru þá ok lesin upp bréfin»). Дело в том, что Эрлингу удалось задержать тех датчан, которые зимой ехали с этими письмами («er með bréfum höfðu farit um vetrinn». – Нкр 3. Bls. 402). Заимствуя эту историю из Fask, Снорри четче, чем его источник, дает понять, что, несмотря на наличие письма и печати датского конунга, информация до норвежских лендрманнов была донесена устно. Как они создали свои ответные письма, он не говорит, но на тинге, уличая их в измене, Эрлинг просил их узнать не письма, а печати, после чего письма были (кем-то специальным) прочитаны.

* * *

Итак, приведенный выше материал саг демонстрирует следующее. По представлениям Снорри Стурлусона, за более чем полтора века после принятия христианства в Норвегии не появилось грамотных правителей или магнатов. К сожалению, он ни разу не говорит, кто пишет письма, которыми норвежская сторона обменивается с датскими правителями, хотя можно думать, что это кто-то из приближенных к королю священнослужителей. У Снорри норвежские правители вплоть до 1170-х годов, в отличие от правителей английских и датских, остаются в рамках бесписьменной культуры.

Описанные его племянником Стурлой Тордарсоном норвежские правители и духовенство середины XIII в. уже прибегают как к устной, так и к письменной форме коммуникации, хотя написание писем требует усилий и времени. В целом же представленное сагами небывстрое развитие частной коммуникации вполне коррелирует с развитием делопроизводства в Норвегии, равно как и со скачкообразным ростом от начала XIII к XIV в. количества рукописей на древненорвежском языке.

ИСТОЧНИКИ

- КЗ – *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- DN – *Diplomatarium Norvegicum*. Oldbreve til Kundskab om Norges indre og ydre Forholde, Sprog, Slægter, Sæder, Lovgivning og Rettergang i Middelalderen / C.R. Unger et al. Christiania, 1849–1976. B. I–XXI (<https://www.dokpro.uio.no/dipl_norv/diplom_field_eng.html>).
- Fask – *Fagrskinna*. Noregs konunga tal / Bjarni Einarsson. Reykjavík, 1984. (ÍF, 29) Bls. 55–364.
- Fask / Finlay – *Fagrskinna*. A Catalogue of the Kings of Norway / A Transl. with Intr. and Notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004.
- Hák – *Det Arnamagnæanske håndskrift 81a fol.* (Skálholtsbók yngsta). Inneholdende Sverris saga, Bøglunga søgur, Hákonar saga Hákonarsonar / A. Kjær og L. Holm-Olsen. Kristiania, Oslo, 1910–1987.
- Hkr – *Snorri Sturluson*. Heimskringla. 1–3 / Bjarni Aðalbjarnarson. 1941–1951. (ÍF; 23–24).
- ONP – *Ordbog over det norrøne prosasprog* // (<http://onpweb.nfi.sc.ku.dk/wordlist_d_adv.html>).
- ÓTóddr – *Óláfs saga Tryggvasonar eptir Oddr munk Snorrason* / Ólafur Halldórsson. 2006. (ÍF; 25).
- Theod – *Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium* // *Monumenta historica Norvegiæ*. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / G. Storm. Kristiania, 1880. P. 1–68.

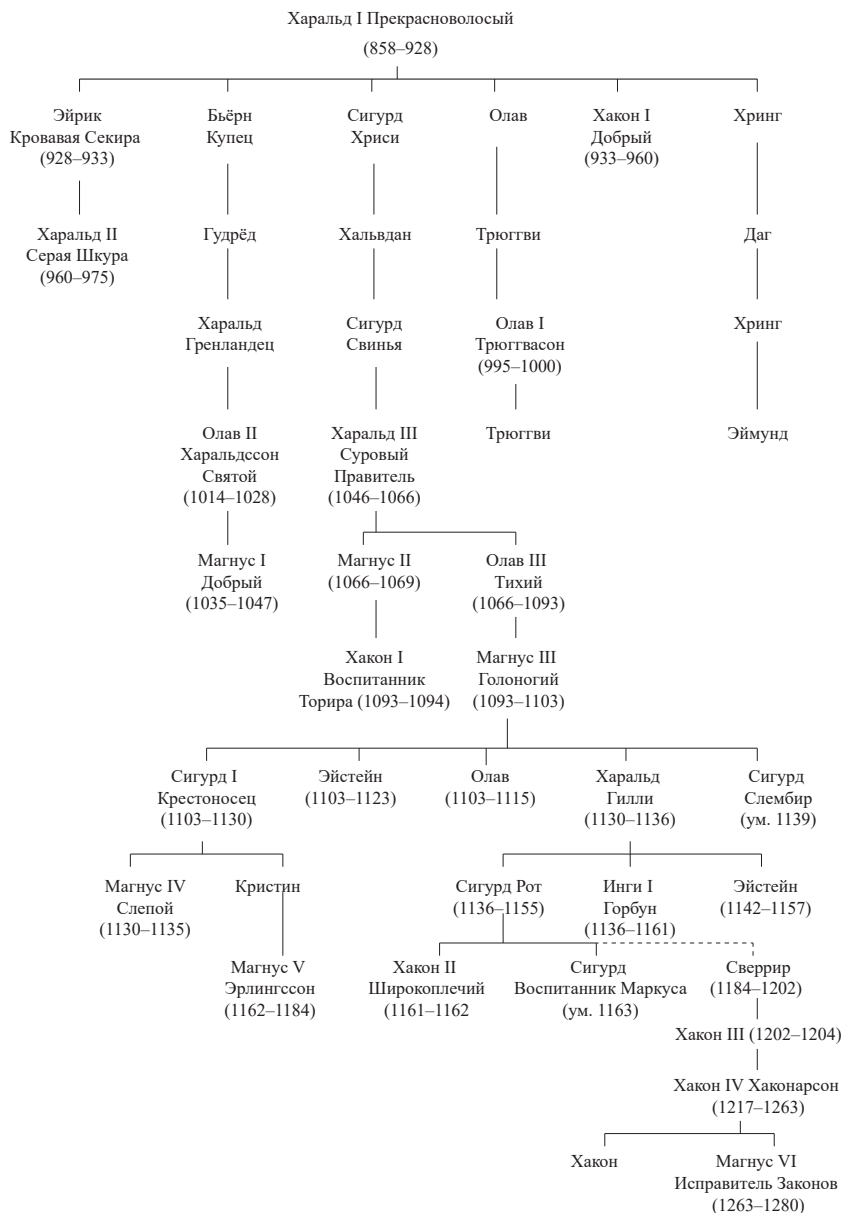
ЛИТЕРАТУРА

- Агишев С.Ю.* Роль делопроизводства в раннесредневековой Норвегии (до конца XIII в.) // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 3–7.
- Гуревич А.Я.* «Круг Земной» и история Норвегии // КЗ. С. 612–632.

- Джаксон Т.Н.* О юбилеях, памятниках, политогенезе и историческом мифотворчестве // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 81–88.
- Панкратова М.В.* Эволюция королевской канцелярии в Норвегии в XIII в. // ВЕДС-XXVIII: Письменность как элемент государственной инфраструктуры. М., 2016. С. 215–221.
- Bagge S.* Administrative Literacy in Norway // *Along the Oral-Written Continuum: Types of Texts, Relations and Their Implications.* Turnhout, 2010. P. 371–395.
- Bjørge N.* Om skriftlege kjelder for Hákonar saga // (Norsk) Historisk tidsskrift. 1967. B. 46. S. 185–229.
- Guðvarður Már Gunnlaugsson.* The origin and development of Icelandic script // *Régionalisme et Internationalisme. Problèmes de Paléographie et de Codicologie du Moyen Âge. Actes du XVe Colloque du Comité International de Paléographie Latine (Vienne, 13–17 septembre 2005) / O. Kresten, F. Lackner.* Wien, 2008. P. 87–94.
- Helle K.* Håkon 4 Håkonsson // *Norsk biografisk leksikon; Store norske leksikon* at URL: <https://nbl.snl.no/H%C3%A5kon_4_H%C3%A5konsson>; sist oppdatert 13. februar 2009 (06.02.16).
- Helle K.* Under kirke og kongemakt 1130–1350 // *Aschehousgs Norgeshistorie.* Aschehoug, 1995. B. 3.
- Hreinn Benediktsson.* Early Icelandic Script as Illustrated in Vernacular Texts from the Twelfth and Thirteenth Centuries. Reykjavik, 1965.
- Knirk J.E.* Old Norwegian Literature // *A History of Norwegian Literature / H.S. Naess.* Oslo, 1993. (A History of Scandinavian Literatures; Vol. 2 / S. H. Rossel). S. 1–38, 375–377.
- Koht H.* Um kjeldegrunnlage for saga um Hákon Håkonsson // *Historisk tidsskrift* utgitt av Den norske historiske forening. 1927. R. 5. B. 6.
- Kongsrud H.* Det norske kanslerembetet. Kompetanse, funksjoner, arkivdannelse og overleveringsveier (Skriftserie 34). Oslo, 2011.
- Mortensen L.B.* Sanctified Beginnings and Mythopoeitic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, c. 1000–1230 // *The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom (c. 1000–1300) / L.B. Mortensen.* Copenhagen, 2006. P. 247–273.
- Mortensen L.B.* The Nordic Archbishoprics as Literary Centres around 1200 // *Archbishop Absalon of Lund and His World / K. Friis-Jensen, I. Skovgaard-Petersen.* Roskilde, 2000. P. 133–157.
- Sigurður Nordal.* Sagalitteraturen // *Nordisk kultur.* Uppsala, 1953. B. VIII: Litteraturhistorie. B. Norge og Island. S. 180–273.
- Vries J. de.* Altnordische Literaturgeschichte. 2. Aufl. B., 1967. B. II.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНУНГИ ДИНАСТИИ ХАРАЛЬДА ПРЕКРАСНОВОЛОСОГО

FROM ORAL COMMUNICATION TO WRITTEN:
SITUATION IN MEDIEVAL NORWAY
IN THE LIGHT OF ICELANDIC SAGAS

On the basis of *Hákonar saga Hákonarsonar* written by Sturla Þórðarson between 1263 and 1265, a royal saga “of modern times”, according to Sigurður Nordal’s classification, and fifteen “sagas of the past” forming *Heimskringla*, a large compendium of the kings’ sagas written by Snorri Sturluson c. 1230, the article investigates how Norwegian rulers were gradually starting to use letters instead of oral messages. The author aims to find out how the saga authors in the thirteenth century felt about the transition from oral communication to written, as well as how deeply in the time preceding the development of writing they attributed the existence of a written private act.

The Christianization of Norway, initiated by King Olav Tryggvason (995–1000), was completed by his successor and second cousin Olav Haraldsson (1014–1028). During the eleventh century a new religion and the Christian church gradually strengthened their position in the country, and with them came writing, first in Latin and then in Old Norse. The Latin language, as a language of the church, became the written language in Scandinavia and for some time remained the only (with the exception of the runes) written language of the Scandinavian countries. The Latin alphabet did not start being used for writing in the national language immediately after the introduction of Christianity. It is impossible to establish when exactly this happened, since the oldest manuscripts in the national languages have not been preserved in Scandinavian countries. But there is reason to believe that the Latin alphabet was first used in Iceland for writing in the native language in the early twelfth or even late eleventh century. Soon after 1056, the first school mentioned in the sources was founded by Bishop Ísleifr in Skálholt in Iceland. It is known that in the twelfth century there existed schools at the cathedrals of Nidaros, Bergen and Oslo in Norway. The earliest surviving Norwegian manuscript in Latin dates to the 1170s, while in Old Norse to c. 1210. About 80 manuscripts in vernacular reached us from the thirteenth century, and more than a thousand from the fourteenth century. Introduction of writing into business correspondence was also slow: the early Norwegian documentary corpus, before January 1, 1301, is represented by 993 letters only, while beginning with the fourteenth century the number of documents snowballs.

The paper demonstrates that, according to Snorri Sturluson, for more than a century and a half after the adoption of Christianity in Norway, there were no literate rulers or magnates. Unfortunately, Snorri never mentions who writes those letters that the Norwegian side exchanges with the Danish rulers, although it might easily be someone of the clergy close to the king. In Snorri Sturluson’s opinion, Norwegian rulers prior to the 1170s, unlike Danish or English rulers, remain within the framework of oral culture. Norwegian rulers and clergy of the mid-thirteenth century, as described by Snorri’s nephew Sturla Þórðarson, resort

to both oral and written communication, although writing letters takes time and effort. On the whole, the slow development of private communication represented by sagas can be considered as parallel to the state of office work in Norway, as well as to the abrupt increase, from the early thirteenth to the fourteenth century, of the amount of manuscripts in Old Norse.

Key words: writing, oral and written communication, Icelandic kings' sagas, Norway, Iceland, letters, Snorri Sturluson, Sturla Þórðarson